шутку насчет намордника или противогаза ты, конечно, молча сносишь: ответить-то все равно нечем – уже давно и челюсть свело.

Выходите в подъезд. На удивленного соседа можно, конечно, и свысока посмотреть, мол, знай наших! А чего ему объяснять, и так всё понятно. Лишь бы приятель твой снова не заржал. Сосед, разумеется, повис от смеха на перилах, отдышаться не может. Дальше – больше. На улице народу-то, народу… Словно кто нарочно оповестил: только на тебя и смотрят. Быстрей в такси – и ходу! Черт с ним, с водителем, тут уж никуда не денешься, лишь бы он не забывал иногда на дорогу поглядывать. И не надо демонстративно отворачиваться к окну, вид у тебя всё равно глупый, а в профиль ты такое же недоразумение господне, что и в анфас.

В больнице народ более сдержанный, да и сострадание – часть их профессии: стараются улыбаться в сторону. Кто не выдерживает – шасть из кабинета и визжат в коридоре. Бог с ними!

Вот хирург действительно молоток, где-то что-то нажал, за ушами треснуло. В мозгу в это время другая лампочка вспыхнула, а первая – пожалте! – у него в руках! Быстренько забинтовали, как Шарикова; нижнюю челюсть головы к верхней подвязали, чтоб не потерял, – и будь здоров! На прощание только не удержался экскулап и серьезно так порекомендовал с люстрами и лампами дневного освещения не экспериментировать. И на том спасибо

Скорее домой. В такси, конечно. Водила разговорчивый, любознательный попался, поинтересовался, почему челюсть подвязана, что за травма такая? Дружок, естественно, отвел душу, снова расписал все в самых ярких красках. Гогочут.

Подъехали к дому. Расплатились, вышли из машины. Обернулся я – глядь, а водитель открывает бардачок, достает оттуда лампочку и аккуратно так засовывает ее в рот. Раз – примите наши поздравления! Я столбенею. Дружок на карачках буквально уползает в подъезд. Там с ним даже может случиться худо. Опасения мои не напрасны: два снаряда в одну воронку – такое не часто увидишь! Я молча гляжу на шофера, шофер (тоже, естественно, молча) смотрит на меня. И мы друг друга прекрасно понимаем буквально без слов.

В следующую секунду, постучав себя по голове (что тоже, в принципе, логично) он дает газу. «Езжай, дорогой!» – чуть не маша ему ручкой вослед, думаете вы. Ты хоть на колесах, да и куда ехать, теперь знаешь, только что нас там подбирал. Интересно, что доктор ему посоветует? А может, и сам попробует?!

Александр Тихонов

ПОЛНЫЙ НАЗАД

Когда-то давно разгневанное Баренцево море выплюнуло из штормовой круговерти этот довольно крупный корабль. В видах морских судов ни Лёнька, ни Олег не разбирались, поэтому без зазрения совести величали безымянную ржавую махину кораблём. Гигантская туша была буквально нанизана правым бортом на скалу, а левым черпала холодную северную воду. Именно поэтому пол во внутренних помещениях оказался накренён, а в некоторых из них и вовсе несла вахту пугающе чёрная жижа, на поверхности которой плавали кусочки гнилой древесины и крохотные водоросли. Вода плескалась в каютах, текла с палубы в трюм через зияющий пролом, лилась с неба нескончаемым дождём...

* * *

– У меня в сапогах хлюпает, – шмыгая носом, пожаловался Лёнька, – простыл, мля.

Он перекинул ремень фонаря через плечо и ухватился обеими руками за одну из ручек ящика.

– Кончай ныть, сопляк! – огрызнулся теряющий терпение Олег. – Давай подымать. Лечиться завтра будем.

Схватился за ручку с противоположного торца и скомандовал:

– Взяли...

Парни разом потянули вверх, но ящик остался в мутной воде, будто огромный утёс, непоколебимо сносящий жалкие попытки сдвинуть его с места.

– Килограмм двести, – констатировал Олег.

– Ну да, – Лёнька оценивающе постучал сапогом по выступающим из воды стенкам. Зелёный бок ящика отозвался глухим гудением. – Если бы не вода, можно было... Хотя, если зацепить верёвку.

– Нет верёвки, – сказал, как отрезал, Олег и тут же добавил, признавая правоту друга: – А без неё не вытянуть. Надо вскрывать и всё, что внутри есть, постепенно поднимать. Посвети-ка сюда...

* * *

В конце июля девяносто шестого заказчик высмотрел в одном из баров Мурманска полупьяного Олега, по прозвищу Мутный, подсел к нему, заговорил. Когда выяснилось, что парень несколько месяцев назад пришел из армии, а на работу так и не устроился, предложил «неплохо заработать». Нужно было всего-то отыскать на побережье какое-то ржавое судно, достать из его трюма два металлических контейнера и переправить их на берег. Проще только пить не просыхая. Тем более заказчик заверил парня, что милиция в тех краях не рыщет и проблем с законом не будет.

Напарника Олег нашел быстро – позвонил другу детства Лёньке Зубову, который скрывался от армии в одном из посёлков на побережье, перебиваясь случайными заработками. На двоих заказчик пообещал заплатить парням пятьдесят миллионов рублей. Капитал, по разумению Мутного, немалый, особенно в селе, да в наше мутное время, когда Ельцин вот-вот развалит страну и русские люди пойдут по миру с протянутой ладонью...

* * *

– Может, ножом попробовать? – Лёнька беспокойно маячил за спиной товарища. По ржавым, покрытым конденсатом стенам метался заполошный луч фонаря.

– Хлеборезку завали и свети, – зло бросил Олег, склонившийся над гробоподобным металлическим ящиком. – Твою мать... тут чё, запаяно? Да ё... Ленин, свети сюда!

Лёнька послушно направил фонарь на ящик, чем-то неуловимо напомнивший ему советский холодильник – такой же монструозный, с хищно очерченными гранями.

– Ножом... – подал голос Олег после нескольких секунд пристального разглядывания, – не получится ножом. Надо монтировкой поддеть. В лодке должна быть...

Он запрокинул голову, всмотрелся в тусклое, почти чёрное ночное небо, заглядывающее в трюм корабля через раскуроченную палубу.

– Дождь кончился... Заметил?

– Ага, – не сразу отреагировал Лёнька. – Да тут и без дождя сырость. Как открывать-то будем?

* * *

Плыть условились в ночь на первое августа. Середина рабочей недели – во всех смыслах лучшее время. На закате от неприметного рыбацкого мостка отчалила моторная лодка с единственным пассажиром. В посёлке его видели немногие, особые приметы не назвал бы практически никто. Возраст – чуть за пятьдесят, волосы коротко стрижены, тронуты сединой. Дорогие на вид, недобро поблёскивающие металлом оправы очки. Ещё, пожалуй, отметили бы впалые щёки и острый подбородок. Человек в лодке был одет в тёмную водолазку, светлую ветровку и джинсы. В крупном городе ему хватило бы пары секунд, чтобы раствориться в толпе таких же людей в ветровках и джинсах. В посёлке это было куда сложнее, но и здесь незнакомца отчего-то принимали за своего.

У старой метеостанции, кирпичная коробушка которой давно рассыпалась и поросла мхом, в лодку запрыгнули ещё двое – одетый в шерстяной свитер с высоким горлом и плотные штаны Олег и Лёня в чёрной

вязаной шапочке, комбинезоне защитной расцветки и явно великоватых сапогах. На фоне крепкого, скупого в движениях Олега этот низкорослый, юркий паренёк выглядел комично.

– Ну, ты ваще красава, – шмыгнув носом, одобрительно заметил Лёнька, – где такое шмотьё тиснул?

– От деда осталось. Он во время войны на Балтике служил...

– А я отцовскую одёжу взял. Он в ней на рыбалку мотается. Куртку там, штаны, шапку...

– Фонарь взял?

– И фонарь...

Парни не задумывались о том, что может храниться в загадочных ящиках, за доставку которых заказчик готов заплатить по двадцать пять миллионов каждому. Не пытались понять и то, как умудрились охотники за металлом проглядеть корабль, валяющийся на берегу недалеко от посёлка. В лицо хлестал прохладный ветер, ревела моторами лодка, которую заказчик настырно именовал катером, а впереди ждал заработок. Лёнька, которому надоело жить с родителями и бояться армии, а в месте с ней – чеченской мясорубки, мечтал вырваться в Мурманск или дальше, в Москву. Заказчик намекнул ему, что если в сегодняшней вылазке Лёнька проявит себя хорошо, тот попытается пристроить парня охранником в свою столичную фирму. И Лёнька поверил – дьявольски убедителен оказался заказчик. Дорогая лодка, хорошая одежда и поблёскивающая в закатных сумерках оправа очков действовали на парня гипнотически.

Олег думал об ином – вспоминал военную службу, боязнь оказаться на Кавказе, ощущение эйфории, когда сошел с поезда в дембельском облачении. Тогда, полгода назад, в феврале девяносто шестого, для него должна была начаться совсем иная жизнь. Девушки – толпами, пиво – бочками, работа – в радость. И каждый день – праздник, праздник, праздник... Когда в беспробудную пьянку ворвался заказчик, Олег готов был молиться на этого человека. Заказчик... Он просил не называть имён, и Олег охотно принял такую конспирацию. Мужик в очках – заказчик (а за глаза – очкарик), ржавая посудина – корабль. Излишние сложности ни к чему. Главное, их с Лёнькой ждало настоящее дело. Морской ветер выдует из мозгов остатки глупости, позабудется приклеившееся ещё в школьные годы прозвище Мутный, и всё начнётся заново...

* * *

– Очкарик сказал, не портить сундук, – боязливо напомнил Лёнька. Ссориться с будущим работодателем ему совсем не хотелось, но ещё меньше хотелось навлечь на себя гнев Олега. Мутный мог и по морде настучать.

– Ну, что там? – Видимо, заказчика насторожил их бубнёж, и тот решил проверить, как идёт работа. Наверху, заслоняя пролом, возник чёрный силуэт человека.

– Мы ящик нашли, – запрокинув голову, сообщил Олег.

На палубе какое-то время было тихо, потом заказчик произнёс:

– Ну, так вытягивайте. Олежа, мы же договорились.

– Нам вдвоём не поднять... – прогнусавил Лёнька, – тяжелый.

– А мне что прикажешь делать? К вам лезть?

– Ну и залез бы... – буркнул Лёня, но так тихо, чтобы заказчик не услышал.

– Можно его вскрыть, – выкрикнул Олег, – и поднять содержимое по частям. Иначе никак. Если бы нас было человек шесть да ещё верёвка, то подняли бы. А так – дохлый номер.

Заказчик с минуту молчал. Начинало казаться, что ему всё меньше нравится происходящее и, если что-нибудь в очередной раз пойдёт не так, он наплюёт на договор и ни копейки не заплатит.

– Так вскр-р-рывайте, – раздраженно зарычал он.

– Он, сука, крепкий, – подал голос Лёнька. – Запаян. Мы его щас монтировкой того...

– Ящик не может быть запаян. Он открывается.

– А мы слепошарые, да, дядя? – спокойно, с вызовом проговорил Олег, отчего Лёньке стало не по себе – всё, можно проститься с денежками. Заказчик после такого оскорбительного обращения их без копейки оставит.

– Он не запаян. Там сбоку, – со слабо скрываемым раздражением принялся объяснять очкарик, – должно быть отверстие под ключ. Нашли?

Лёнька направил луч фонаря на ящик, а Олег принялся осматривать стенки чудо-сундука. Несколько минут без толку оглядывал находку, шепча себе под нос какие-то ругательства. Наконец вытащил из кармана нож и аккуратно поддел кончиком лезвия едва видимую заглушку на боковой стороне крышки. Та сдвинулась, и стало видно узкую щелку замочной скважины.

И всё стихло: их торопливые шаги по залитому водой полу, тяжелое сопение Лёньки, хриплые ругательства Олега. Лишь булькала где-то в потрохах старого корабля вода и доносились снаружи далёкие, едва различимые раскаты прибойных волн.

– Нашли? – вновь долетел сверху голос заказчика.

– Да, – рявкнул Олег, которого навалившаяся тишина пугала куда сильнее, чем ржавый корабль, мрачный заказчик и ящик, напоминающий цинковый гроб, вместе взятые.

– Поищите ключ. Он должен быть в каюте старпома. С брелоком в форме шара.

– Где это?

– Вы сейчас находитесь в трюме. Поднимитесь на нижнюю палубу. Это... этажом выше, там каюты экипажа. Пусть Леонид сходит, поищет.

Услышав это, Лёнька обратил к напарнику бледное, вытянутое лицо и яростно замотал головой:

– Не-не-не, Мутный... Мне стрёмно ваще. Я не пойду никуда один.

– Не ссы, Ленин. Здесь и без того сыро, – подбодрил его Олег. – Вместе пойдём. Ща найдём этот ключ, отопрём сундук...

– Ага, достанем утку, потом зайца, а потом иглу, – всё так же невесело пробубнил Лёня.

– Достанем что достанем. Хватит причитать.

Лестница, ведущая из трюма на нижнюю палубу, проржавела настолько, что ступени начали крошиться под ногами, когда Олег попытался взобраться наверх. Пришлось держаться за поручни, подтягиваться, будто на турнике, и уже потом закидывать тело на стальную пластину лестничного пролёта. Для неподготовленного Лёньки такие выкрутасы оказались едва выполнимы. Забираться в рассечённый скалой трюм, прыгая по камням, было куда проще.

Втянув Лёньку на палубный этаж за ворот отчаянно трещащей по швам куртки, Олег огляделся. Они, как и говорил заказчик, оказались на нижней палубе – прямо от лестницы брал начало длинный, узкий коридор, по обе стороны которого обнаружились двери кают.

– Четыре, шесть, восемь... – принялся считать парень, но голос Лёньки сбил его с мысли.

– Слышь, Мутный... получается, под нами трюм, а сверху – палуба, – откашливаясь после подъёма, заговорил Лёнька. – Во махина была!

– «Титаник», Ленин, настоящий «Титаник». Давай ключ искать.

Олег дёрнул дверь первой каюты справа. Та не поддалась. Попробовал левую – то же самое. Когда две следующих двери также не захотели отпираться, Олег вернулся к началу коридора и саданул плечом в одну из хлипких фанерных переборок, которая тут же слетела с петель.

Зрелище, представшее перед парнями, было жутковатым – когда-то каюта представляла собой довольно уютное помещение, обшитое изнутри листами ДСП и ДВП. От сырости и времени панели выгнуло, покорёжило. Шляпки саморезов, на которые те крепились, заржавели и обросли грязно-бурыми потёками. Пол был усеян гнилыми древесными волокнами. Вкупе с заметным креном пола каюта смотрелась словно декорация из фильма ужасов.

Олег вошел в помещение первым, присел

на корточки, на мгновение заслонив луч фонаря, зажатого в трясущихся руках напарника. Как ни странно, за окном было заметно светлее, чем в помещении. Относительно тёплая и ясная августовская ночь слепо тыкалась в круглый глазок иллюминатора, а из чрева корабля на неё смотрела густая, вязкая тьма. И августовской ночи делалось жутко, прибрежные скалы трясло в ознобе, когда в них ударяла очередная вспененная волна.

– Мутный, чё там?

Олег сдвинулся в сторону, пропуская Лёньку в каюту.

– Чё-то нашел?

Парень молча протянул напарнику тронутый ржавчиной револьвер.

– С патронами? – ни к кому не обращаясь буркнул Лёнька, откинул барабан и расстроенно хмыкнул. – Пусто. Может, пошарим там?

Он ткнул стволом револьвера в сторону разбухшего от сырости шкафа.

– Можно.

По наклонному полу Олег аккуратно приблизился к шкафу, стоящему в дальнем углу каюты, попутно выглянув в грязный иллюминатор. Потянул на себя одну из створок и вдруг изменился в лице, застыл, точно гипсовое изваяние, глядя в разверстую пасть шкафа.

– Чё там? – Лёнька, казалось, забыл о только что найденном пистолете. Едва не поскользнувшись на забирающем кверху полу, он подскочил к Олегу. Заглянул в шкаф и с воплем отшатнулся от него. Кубарем покатился к двери каюты, по пути приложившись плечом о выступающий край стола.

– Там трупешник, Мутный! Трупешник!

Олег продолжал молча смотреть в полутёмное нутро шкафа, не обращая внимания на трепыхания напарника. Наконец Лёньке удалось встать на ноги. Мокрый, грязный, в сбившейся на затылок шапке он снова шагнул к шкафу.

Мертвец сидел, прислонившись плечом к боковой стенке. Длинные спутанные волосы закрывали лицо покойника, да оно и к лучшему, потому что от вида одной только выступающей нижней челюсти по спине пробегал холодок. Серо-коричневая кость – поблекшие, но всё же идеально здоровые зубы.

– Дай фонарь, – едва слышно попросил Олег.

Лёнька молча сдёрнул с шеи ремень фонаря и протянул громоздкий полупрожектор напарнику. Успел заметить, что стекло треснуло, наверное, в момент падения. Всё, теперь отец точно пришибёт его. Фонарь батя покупал в городе, специально ездил за ним в магазин и радовался, как ребёнок, столь удачному приобретению. А теперь ночная рыбалка накрылась. Да какая, к чертям, рыбалка, когда в метре от тебя труп!

Пучок света выстрелил из стеклянного ока фонаря, озарив покойника, точнее покойницу, целиком. Скелет оказался обряжен в длиннополое платье, из-под которого торчали полуистлевшие колготки. Когда-то белые, а теперь грязно-серые.

– Как она не рассыпалась, – забубнил Олег и потянулся к страшной находке.

– Ты чё творишь, Мутный?! – задохнулся от ужаса Лёнька.

– Вот сюда. Посмотри. На дверце...

Дверка шкафа с протяжным скрипом качнулась, и Лёнька разглядел на внутренней её стороне странные царапины.

– Надпись, – пояснил Олег. Опустился на корточки, стараясь удерживать равновесие на скользком полу, приблизил фонарь к дверце и попытался прочесть накарябанное гвоздём послание.

– Прос... прости... ма... То ли «мама», то ли «Маша»... Жуть. Ещё бы понять, чем оно нацарапано... – он принялся шарить взглядом по полу, потом вдруг сунул руку в складки платья покойницы и протянул Лёньке патрон. – Она это ободком гильзы нацарапала... Слышь, Ленин, пошли отсюда.

– Очкарик же сказал – искать ключ.

– В каюте старпома. Но баба явно не старпом.

Лёнька судорожно закивал.

– Точно, Мутный. Ты ваще голова. Давай, валим отсюда... А волыну брать?

– Брось! С ментами проблем захотел?

– Всё-всё... я усёк.

Бледный как полотно, Олег поднялся с колен, аккуратно закрыл шкаф, обернулся к не менее бледному Лёньке:

– Такое ощущение, что она чего-то испугалась, хотя у неё был револьвер...

– А нафиг было его разряжать?

Олег молча выдернул из рук напарника фонарь, поднял его, и желтый пучок света уткнулся в стену коридора напротив выбитой им двери каюты. Там отчётливо виднелись три чёрных отметины.

– Ого как... По ходу, она тут в кого-то палила. Три раза... А сколько в пистолете пуль?

– В револьвере, – машинально поправил Олег, – и не пуль, а патронов... Шесть должно быть.

– А тут всего три дырени. Видать, ещё где-то пошмалять успела.

– Или эти три пули она успела в кого-то всадить. А этот «кто-то» ушел вместо того, чтобы сдохнуть, – парень зябко повёл плечами, – и дверь за собой запер. Не нравится мне всё это, Ленин... Мы на такое не подписывались.

– А я тебе о чём, Мутный! Я о том же толковал...

– Если на этом корабле лежит труп, то сюда до нас никто не забирался, иначе бы уже давно менты кругом были. Так?

– Ну.

– Значит, очкарик никому об этом месте не говорил, и никто по глупости сюда не попадал. Ни рыбаки, ни военные... А это плохо. Мы тут можем остаться вместе с этой девицей как ненужные свидетели. Всё зависит от того, какая хрень в ящике. Вдруг оружие? А если наркота? Не знаю, может ли дурь храниться долго, но мало ли... А если это такой цинк под уран или плутоний? Я в армейке повидал всякие такие ящички... Тогда вообще хана. Мало ли, вдруг там бомбы какие-нибудь для чеченов?

– А чё делать?

Олег пожал плечами:

– Найдём ключ, откроем ящик. Если там ничего опасного, получим деньги и разбежимся. Про скелет в шкафу будем помалкивать.

– Точно, Мутный. У этого мужика «скелеты в шкафу»... А это... если там бомбы?

Олег извлёк из кармана уже виденный Лёнькой складной нож:

– Будь готов к чему угодно. К очкарику спиной не поворачивайся, всегда настороже будь. И вот ещё... держи нож. Нажимаешь на кнопку, и лезвие само выпрыгивает. Если что – бей в шею.

* * *

Ключ нашелся в противоположной каюте. Тамошний обитатель в шкафу не прятался и не имел привычки обшивать стены древесиной, поэтому ассоциаций с замусоренным курятником не возникало. Вполне себе опрятно. Хозяин будто пять минут назад вышел – так всё чисто, если не сказать стерильно.

– Аккуратист тут жил, – хмыкнул Олег, заметив, как по-военному ровно заправлена кровать. – Кто-то из экипажа.

Он не ошибся. На стене в рамке обнаружился пожелтевший фотоснимок, запечатлевший семью пышноусого морского офицера. А в ящике письменного стола, придвинутого к самому иллюминатору, нашелся ключ с тяжелым стальным брелоком, некогда изображавшим земной шар. Со временем насечки параллелей затёрлись, покрылись ржой, лишь угадывались при касании острые берега континентов.

В трюм спускались неохотно, стараясь идти как можно медленнее, оттягивали неизбежный момент истины. Наконец вновь окунулись в хлюпающую сырость, увидели высоко над собой клок неба, обрамлённый огрызками стальных балок.

Узнав о том, что ключ удалось добыть, заказчик охотно спустился с палубы на скалы, а оттуда быстро забрался в трюм. Светлая ветровка была вымазана в грязи, но он будто не замечал этого. Всё внимание привлекал огромный ящик – гроб, в котором покоилась истина.

На вопрос: «А чё, подымать не будем?» – наниматель сухо ответил:

– Не будем. Придётся на месте открывать.

Он аккуратно вставил ключ в замочную скважину и принялся проворачивать его. Один оборот, второй, третий. После каждого нового поворота в недрах ящика что-то щёлкало, будто внутри лязгали неведомые шестерни.

Под плотно закрытой, прорезиненной изнутри крышкой оказалось нечто странное – металлическая, совсем не тронутая ржавчиной панель, на которой располагались какие-то кнопки, тумблеры, два круглых, похожих на иллюминаторы, портала, в каждый из которых сантиметров на пятнадцать были утоплены циферблаты с ромбовидными стрелками. Они бешено вращались в своих наглухо запечатанных темницах. А по правой стороне монолитной стальной панели тянулись замочные скважины, напротив которых белой краской были выведены порядковые номера.

– А чё это? – опасливо поинтересовался Лёнька.

Заказчик не ответил. Улыбнулся, снял с шеи небольшой ключ на тонкой цепочке, внешне похожий на тот, коим был открыт ящик, вставил в первую скважину, повернул до щелчка, затем скомандовал:

– Ищите второй ящик. Он где-то в соседнем отсеке. Здесь же, в трюме.

– Э, не... – отрицательно мотнул головой Олег, – в те отсеки мы ни за какие деньги не полезем. Там стопудово всё затоплено. Вода холодная...

– Даже если я скажу, что на берегу вы получите ещё по... пятьдесят миллионов сверх обещанного?

– Жизнь дороже.

Заказчик неприязненно скривил тонкогубый рот. Помолчал немного, после чего вымученно изрёк:

– Пусть так. Проверьте хотя бы незатопленные отсеки.

Делать было нечего – пришлось соглашаться, ведь на берегу условились, что ящиков будет два.

– Ленин, посиди, отдохни, – как бы между прочим бросил напарнику Олег, взглядом дав понять, чтобы тот не спускал глаз с заказчика и странной находки.

Лёнька всё понял. Кивнул, отыскал в дальнем углу отсека полуразвалившийся деревянный короб с оцинкованными уголками и уселся на него напротив заказчика. Лучшее время, чтобы завести разговор о покойнице из шкафа... Но ведь напарник запретил... Незаданный вопрос грыз Лёньку изнутри, царапался, взбираясь по гортани к сомкнутым губам, дёргал за язык. «Спроси у него про кости! – вопил он. – Спроси!». Когда шаги Олега стихли и пропало мельтешение отцовского фонаря, парень произнёс:

– А почему вы нам про труп в шкафу не сказали?

Заказчик, любовно поглаживавший найденный ящик, вдруг дёрнулся и зло посмотрел на парня.

– Нашли, значит, Раю... Как она?

– Скелет из шкафа? Трупешник она. Кости, в шмотьё завёрнутые, и надпись на стене: «Прости, мама».

– «Прости, Мамай»... Она меня так называла. В шутку... Фамилия у меня Мамаев... Была когда-то... Раз уж вы её нашли, у меня будет одна просьба к вам, Леонид. Только после этого вы с Олежей поймёте...

– Какая просьба?

– Вы должны умереть, чтобы поверить мне.

– Чё?

Два года занятий в спортивной секции, которую Лёня посещал в нежном возрасте, не помогли. Не помог и нож. Заказчик оказался настолько быстр, что Лёнька и опомниться не успел. Уже заваливаясь в воду, он осознал, что очкарик выбил из-под него короб. А потом... Парень с ужасом наблюдал, как человек в очках опускает ему на лицо узкую ладонь. Сначала в воду погрузился затылок, и холод пробрал до корней волос. Затем – уши. Пропал слух. Затем... Лёнька попытался кричать, но с ужасом почувствовал, как холодная вода хлынула в рот. Заломило зубы... А потом он с ужасом понял, что уже не может дышать.

* * *

Олег не сразу разобрался, что произошло. Сначала он увидел сидящего на ящике заказчика и удивился, куда это мог подеваться напарник. Потом он заметил Лёньку и едва не завопил: тот лежал в дальнем углу трюма, едва освещаемый фонарём. Из воды торчала лишь набрякшая от влаги куртка, да виднелся затылок с растрёпанными волосами.

– Ленин! – завопил Олег, кинулся к приятелю, поднимая тучи брызг.

– Не переворачивай его, Олежа, – вонзился в спину исполненный стального спокойствия голос заказчика.

– Почему?

– Он мёртв. Я его утопил.

Мутный медленно повернулся к очкарику.

– Это... ну, как бы объяснить... демонстрация...

– Чего, мля?!

– Возможностей «будильника». Тут, в ящике лежит «будильник», который разбудит твоего друга. Минутку терпения...

– Ты это у меня просишь терпения? Да ты моего друга утопил! Кореша!

– Он сейчас проснёт...

Тяжелый кулак ударил в узкое лицо заказчика, не дав договорить. Как раз в этот момент лежащий в воде Лёнька вдруг вскинул голову, с хрипом втянул в лёгкие воздух, закашлялся, отплёвываясь от воды.

– Мутный, он меня утопить хотел, – прохрипел парень и вновь зашёлся булькающим кашлем.

* * *

Это было невероятно. Лёнька, пятью минутами ранее лежавший в воде бездыханным поплавком, теперь сидел на треклятом ящике, поджав ноги и искоса смотрел то на Олега, то на заказчика. Правая линза очков у того была расколота, из разбитого носа обильно текла кровь. Олег не стал церемониться. Увидев, что Лёнька мёртв, он со всего маху заехал заказчику кулаком в переносицу, а затем скрутил тому руки за спиной широким армейским ремнём, продев поблёскивающую пряжку в одну из ручек найденного ими ящика. То, что происходило теперь, Олег назвал «настоящим допросом».

– Как это умер? – шмыгая носом, спросил Лёнька. – Типа трупешник?

– Ленин, не мешай! – зло огрызнулся Мутный, занёсший над заказчиком пудовый кулак для очередного удара. – Живой ты и здоровый. Сейчас с этим Герасимом разбираться будем, с какого перепоя он людей топит. Говоришь, и про скелет из шкафа знает?

– Стопудово. Он эту бабу Раей называл.

– Вот как? – Олег ухмыльнулся. – Слышь, друг мой ситный, ты говорить будешь, или ещё раз кулаком сопатку помассировать?

Заказчик часто-часто закивал.

– Ну ещё бы. Звездюлей огрести никто не хочет... Давай по порядку и без вранья. Лады? Лады, мля?!

– Хо-о-рошо, – вновь закивал очкарик. – Мы вышли из Мурманска в октябре семьдесят девятого...

– Кто «мы»?

– Это судно. Ну, то есть мы... Экипаж из тридцати пяти человек. Матросы, учёные...

– Ты к ним каким боком?

– Я служил на корабле. Матросом.

– Ну, теперь понятно, – с видом знатока закивал Лёнька. – А куда плыли?

– Шли, – яростно прошипел заказчик, бросив на парня ненавидящий взгляд. – Тогда в Афган войска хотели вводить, боялись провокаций американских, вот нас и отправили стеречь, – он хмыкнул, – рубежи Родины. Вроде как научное судно, а на самом деле разведывательное. На случай большой войны. Сыро было, холодно. – Заказчик зябко поёжился. – Дождь постоянно шёл. Такая морось мелкая, противная. Видимость никакая.

– Ты нам про погоду не задвигай! Она и сейчас не лучше. Про корабль рассказывай.

– Так я и рассказываю... Дождь, видимости никакой. И тут вдруг корабль появляется. Сперва решили, что натовское судно. Тревогу подняли, все дела... Потом поняли, что посудина совсем ржавая. Жуткое зрелище – видеть, как посреди моря из мороси вдруг возникает этот сыплющий металличе-

ской трухой призрак. Капитан приказал нам подняться на борт и осмотреться. Кругом – стреляные гильзы, вповалку трупы. Уже истлевшие все, в форме эсесовской. А в трюме нашлись эти ящики. В последние часы перед тем, как всё закончилось, на корабле шёл страшный бой. Вроде как команда взбесилась. Друг в друга палили – больше не в кого – и даже гранату взорвать умудрились. Ну, мы ящики, естественно, перегрузили на свой корабль, заодно тушенку с продсклада взяли, кое-что из оружия. Сопляки совсем были, хотели потом находками в порту щеголять. Но старпом у нас был лютый – Иваныч. Сразу пригрозил, что находка наша секретная и о ней мы должны молчать, а трофеи – выкинуть. Отобрал всё, даже ключи, которые мы с немецкого офицера сняли. У того брелок был классный – шар металлический.

– Нашел кучу трупов, а самое запоминающееся – брелок?

– Я же говорю, сопляк был, как и все наши матросы.

– А ключи старпом себе забрал, да? – проявил чудеса сообразительности Лёнька.

– Часть он, остальные – капитан. У фрица связка была здоровенная. Капитан себе ещё документацию всю взял, журнал бортовой. Они там со старпомом пытались понять, что написано, но не разобрались. Позвали меня. Я в институте немецкий учил. Как раз с первого курса на флот...

– А кроме тебя не было никого со знанием немецкого, да? – ехидно заметил Олег, чувствуя фальшь в рассказе заказчика.

– Были. Просто я эти бумаги нашел, вот меня и привлекли их переводить. Оказалось, что ящики везли то ли с подлодки, то ли с базы немецкой в Норвегию. Когда Гитлер застрелился, они решили его оживить с помощью «будильника». В документах было написано, что хранится в ящиках, как их отпирать, как запускать «будильник» и прочее. Вроде инструкции. По идее они должны были эти бумаги вскрыть в порту, но какой-то умник прямо во время плавания это сделал. Прочитали, обалдели от обилия секретной информации и решили открыть ящик.

– Не понял, – прервал рассказ Лёнька, – а на фига?

– Национальный лидер погиб, весь их великий Рейх сыпался. Представь, что творилось. Да они от отчаянья, наверное, с ума посходили посреди моря.

– Не, я не про бумаги. На фига они ящик открыли, зная, что там внутри.

– Когда у тебя в руках такое, соображать перестаёшь. Это же власть. Они могли наплевать на Гитлера и плыть куда угодно. Их бы с таким даром приняли хоть у нас в Союзе, хоть в Штатах. С «будильником» можно оживить любого мертвеца.

– А тебе эта штука на кой чёрт? Кого оживлять думал? – Олег принялся перебирать в памяти имена одиозных деятелей, умерших в последние месяцы. – Дудаева, что ли?

Заказчик хмыкнул:

– А хоть бы и Дудаева, – с горькой усмешкой согласился заказчик. – Этой машинке пятьдесят лет. Если современные учёные поработают, она многое сможет. Мне она нужна на два часа, а потом... За неё обещали бешеные деньги. Отпустишь меня и получишь долю...

– Или пулю.

– Долю, Олежек, долю... Я знаю людей в Москве, которые за ящики заплатят нам огромные деньги. Всё до последнего бакса получишь, только отпусти.

Олег на минуту задумался, потом отрицательно мотнул головой.

– Вот что, Ленин, бери ключ, фонарь и ищи второй ящик. Отопри его, достань всё содержимое и раздолби, чтобы ни один Кулибин потом не собрал. Понял?

– Мутный, я один не...

– Не жуй сопли, кулёма! – брызжа слюной, рявкнул напарник. – Живо! Надо всё это уничтожить, пока есть шанс. Иначе нас потом завалят, как ненужных свидетелей.

Лёня безвольно кивнул, развернулся на сто восемьдесят градусов и, как кролик из рекламы батареек, побежал в следующий отсек. Заказчик с яростью смотрел ему вслед.

– Не надо разбивать ящик... – прошеле-

стел его тихий голос. – Пожалуйста, позволь мне закончить начатое...

– Деньги деньгами, а жизнь дороже, – рассудительно заметил Мутный.

– Да какие деньги?! Это вам, тупые животные, лишь бы денег захапать! Это вы двое про Дудаева вспомнили. А мне на хрен не нужны ни деньги, ни Дудаев. Никто! Я лишь хочу вернуть любимую женщину!

Олег растерянно смотрел на яростно вопящего заказчика. Женщина? Будильник? Деньги?

– Ты... – потянул он, – про тот скелет в шкафу?

Человек, прозванный очкариком, вскинулся и хриплым от слёз голосом произнёс:

– Я ждал столько лет... Надеялся, что корабль найдут затонувшим на дне моря. Весь квадрат обследовал, где наш корабль пропал. Думал, найду, достану денег, чтобы поднять со дна, и оживлю Раю. А он как сквозь землю, как сквозь воду провалился! И тут вдруг сообщают: Сергей Валентинович, на берегу нашли остов корабля. Я первым рейсом прилетел в Мурманск, поехал сюда. Издали в бинокль смотрел, плакал. Я ведь думал, что никогда не увижу...

– Как пропал корабль?

– Капитан решил открыть ящик, чтоб его! Собрал всех учёных в кают-компании. Не знаю, что ему в голову ударило и всем остальным тоже, но они согласились. И моя Рая тоже. Мы хотели пожениться... Любили друг друга. Знаешь, Олежа, что такое любовь? Это когда у тебя одно имя на языке, одно лицо всегда перед глазами...

– Не знаю. Наверное, не встретил той единственной... В общем, бабы себе не нашел подходящей.

– А я нашел, – заказчик вновь дёрнулся, пытаясь высвободиться. – Я её умолял не ходить в трюм, не открывать ящик. Я ведь знал, что её ждёт! Я ведь читал документы! Но она всё равно пошла с ними, а меня отправили на мостик. Часа через полтора услышал шаги, обернулся. На мостик поднялся капитан. Смотрю, он взволнованный, улыбается. Я спросил его, что в ящиках, а он говорит: «Ты не поверишь, сынок...» и набросился на меня. Я сразу понял, что с ним такое.

– То же, что и с немцами? – догадался Олег.

– Наверное, то же самое. Я сразу в каюту Раи побежал и увидел старпома. Он в дверях стоял, что-то говорил, а Рая ему отвечала, мол, зря мы отрыли их... теперь все умрём. Потом она начала стрелять. После третьего или четвёртого – точно не вспомню – старпом упал, а Рая ещё несколько раз выстрелила и закричала. Я хотел броситься к ней, но старпом вдруг поднялся на ноги, захлопнул дверь каюты и ко мне повернулся. Пуля попала в голову, но он был жив. И я побежал. Испугался дико. Наверх, на мостик, попытался связаться с базой, но ни черта у меня не получилось. Тогда я выгреб из карманов капитана ключи, схватил бушлат и – на палубу.

Заказчик вдруг конвульсивно дёрнулся, словно через его тело пропустили электрический разряд.

– Спустил шлюпку, поплыл к нацистскому судну. В темноте я потерял наш корабль. Там погасли все огни, и вокруг стало так темно, что я испугался. Схватил ракетницу, выпалил в небо. Знаешь, Олежа, каково это – видеть в свете красной ракеты только один корабль, огромный, немецкий. А мой пропал. Исчез. Как сквозь воду провалился. Ну или, может, это я убедил себя, что его не стало... Но меня можно понять! Холодно, сыро, и эта ржавая дрянь поскрипывает вдалеке.

– И ты поплыл на немецкий корабль?

– Нет... Испугался, что трупы фашистов оживут... Остался сидеть в шлюпке. Меня нашли только через двое суток. Наше судно. Когда начал рассказывать о случившемся, на смех подняли, мол, здоровый парень, да ещё коммунист, и вот струхнул. Отправили в Мурманск, там моему рассказу тоже не поверили, хотя намекнули, что про оживление Гитлера – это хорошая идея для книжки. Даже лечить собирались в психбольнице, но я убежал. Другое имя, работа хорошая. Всю

жизнь положил на то, чтобы найти корабль, все деньги в это вбухал. А несколько дней назад корабль нашли. Рыбаки из вашего посёлка. Я подсуетился, информация до военных не дошла. Думал, найму пару булдырей, они мне ящики вытащат, а я потом потихоньку Раю достану, на берег перенесу, и там...

– Оживишь?

– Да, Олежа! Теперь есть шанс её оживить. Ты видел, как я твоего друга вернул. Думаешь, зачем? Чтобы ты увидел, чтобы помог! Это чудо. Понимаешь? Чудо. Надо только всё как в инструкции сделать... Мне Рая каждую ночь снится, просит вернуться. Я же её бросил там как трус последний... А теперь могу всё вернуть.

Мутный встряхнул ошалевшего от собственных слов заказчика за плечи:

– Очнись, баран! Она умерла. Много лет назад. Её не спасти. Нам повезло, что на сей раз никто не спятил, кроме тебя.

– Я могу её спасти... Я ведь спас твоего друга... Убил и спас... Я знал, какой ящик нужно открыть, а какой не следует...

Заказчик запрокинул голову и завыл.

– Пусти-и-и!.. Пусти меня! Я заплачу! Верну кого захочешь, только от-пус-ти-и-и...

– Если ящики так безопасны, почему экипажи двух кораблей сгинули после их открывания? А?!

– Они открывали не тот ящик... – заскулил пленник. – Только я знаю, какой нужно открывать... Я ведь читал документы.

– Так они не вот этот ящик открывали? – Олег ударил кулаком по корпусу железного монстра.

– Нет, – отрицательно замотал головой заказчик. – Не этот – второй. И вам его нельзя открывать. Там сидит смерть. Один ящик – чтобы будить мёртвых, другой – чтобы сажать туда их смерть.

– Чё ж ты раньше молчал, когда я Ленина отправлял эту бандуру вскрывать?!

– Я же говорил, что его нельзя... Нельзя трогать. Нельзя разбивать. Нельзя его...

Олег не дослушал. Вскочил с места, кинулся в соседний отсек, на ходу выкрикивая:

– Ленин, не отпирай ящик! Не открывай!

И в этот момент где-то в дальнем, затопленном конце трюма корпус протяжно загудел, будто неведомая сила гнула металл, как фольгу, сминая переборки.

– Всё... – на выдохе прошептал заказчик, – смерть на свободе. Рая меня уже заждалась. Одна здесь, бедняжка.

Никогда не веривший ни в какую чертовщину, Олег вдруг осознал, что заказчик прав – нечто жуткое приближалось к ним из дальних отсеков. Нечто пострашнее оживляющего мертвецов будильника.

Хлюп-хлюп-хлюп...

Шаги по мокрому полу.

Хлюп, хлюп...

И вдруг в соседнем отсеке вспыхнул Лёнькин фонарь, а через секунду послышался гнусавый голос:

– Я нашел его. Ящик. Второй ящик.

– Ты ведь его не открывал? – немея от ужаса, прошептал Олег. – Ленин, не открывал ведь?..

Лёнька опустил луч фонаря вниз, освещая грязную, мутную воду, отер ладонью мокрое лицо и торжественно произнёс:

– Ты не поверишь, друг...